
ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 342

DOI: 10.35854/2219-6242-2025-2-222-228

Россия как федерация: принципы и соответствие

Виктор Васильевич Бородин^{1✉}, Анатолий Антонович Смольяков²

¹ Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия, borodindis@mail.ru✉

² Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Мурино, Ленинградская область, Россия, anatolti2013@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен конфликт соответствия Российской Федерации (РФ) классическим принципам федерализма, а также раскрыты основные проблемы классификации существующей модели. С позиции критического анализа исследованы противоречивые и взаимоисключающие статьи Конституции России. Показаны специфика модели российского федерализма, его особенности (положительные и отрицательные). Авторы приходят к выводу о том, что федерализм характеризуется устойчивой тенденцией к централизации. Это выражено в укреплении власти, приведении регионального законодательства в соответствие с федеральным.

Ключевые слова: федерализм, принципы федерализма, модели федерализма, проблемы федерализма, Российская Федерация

Для цитирования: Бородин В. В., Смольяков А. А. Россия как федерация: принципы и соответствие // Социология и право. 2025. Т. 17. № 2. С. 222–228. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-2-222-228>

Original article

Russia as a Federation: Principles and compliance

Viktor V. Borodin^{1✉}, Anatoliy A. Smol'yakov²

¹ Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, St. Petersburg, Russia, borodindis@mail.ru✉

² Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Murino, Leningrad Oblast, Russia, anatolti2013@yandex.ru

Abstract. The article discusses the conflict of compliance of the Russian Federation (RF) with the classical principles of federalism, and reveals the main problems of the existing model classification. Contradictory and conflicting articles of the Russian Constitution are studied from the standpoint of critical analysis. The article presents the specifics and features (positive and negative) of the model of Russian federalism. The authors concluded that federalism is characterized by a stable tendency towards centralization. This is expressed in the power consolidation and adjustment the regional legislation in line with federal legislation.

© Бородин В. В., Смольяков А. А., 2025

Keywords: federalism, principles of federalism, models of federalism, problems of federalism, Russian Federation

For citation: Borodin V.V., Smolyakov A.A. Russia as a Federation: Principles and compliance. *Sociology and Law. 2025;17(2):222-228.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2025-2-222-228>

Введение

Неоспорим тот факт, что форма государственного устройства служит определяющей характеристикой любого современного государства. Российская Федерация (РФ), с одной стороны, не является исключением в контексте этого вопроса, с другой — возникают обоснованные сложности, связанные с детальным определением указанной формы, современного ее состояния и тенденций развития. Речь идет о феномене российского федерализма, его уникальности и перспективах совершенствования.

Специфика модели российского федерализма и обсуждение его особенностей (и положительных, и отрицательных) была, остается и будет предметом продолжающихся научных дискуссий, в первую очередь в сфере общей теории государства и права, конституционализма и государственного строительства [1, с. 37]. Как и в любом другом государстве, уникальность его имеющегося статуса во многом обусловлена процессом исторического формирования и множеством современных условий, оказывающих влияние на определение и формулировку существующей модели государственного устройства.

Теория

Федерализм в его современном понимании является не только статической и конституционно закрепленной формой государственного устройства территории той или иной страны, но и формой построения вертикали власти, формой распределения властных полномочий, динамическим процессом организации управления в государстве. Именно ввиду динамического характера, «живой» трансформации и постоянного развития федерализма, как непрерывно изменяющегося процесса, попытки его фиксации в рамки той или иной модели обречены на провал. Анализируя научную литературу, можно выделить множество принципов классификации и, соответственно, моделей федерализма, совокупность которых будет существенно превышать количество имеющихся федеративно устроенных государств [2].

Данное обстоятельство дает нам возможность рассматривать любую федерацию, в том числе и РФ, как уникальную и не имеющую аналогов. Наличие существенных, зачастую фундаментальных особенностей не позволяет «втиснуть» РФ в рамки конкретной теоретической модели. К числу этих особенностей можно уверенно отнести реализацию таких основополагающих (но не единственных) принципов образования и функционирования федерации, как добровольность объединения, равноправие субъектов федерации, справедливое разграничение предметов ведения и полномочий между субъектами федерации и федерацией в целом [3, с. 29].

Во-первых, возникновение Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР), преемником которой и является современная Россия, стало возможным благодаря самопровозглашению (после Великой Октябрьской Социалистической революции в 1917 г.) и изменению правового статуса территории Российской Империи, которая, как известно, прирастала новыми землями

несколько сотен лет не на добровольных началах. Интересен тот факт, что идейный вдохновитель революции — В. И. Ленин — изначально не был сторонником федеративного устройства нового государства, но сложившаяся политическая обстановка не оставляла возможности иного выбора [4, с. 255].

Единственным примером из отечественной истории, подтверждающим соблюдение принципа добровольности объединения в союзное государство, было предусмотренное в Конституции СССР 1924 г. право свободного выхода из Союза (глава вторая, ст. 4) [5]. С тех пор упоминание о сецессии субъектов отсутствует во всех конституциях федеративных государств, за исключением Конституции Федеративной Демократической Республики Эфиопия (п. 1 ст. 39) [6].

Другими, более современными аргументами, ставящими под сомнение неукоснительное соблюдение принципа добровольности объединения в федерацию, могут служить события, происходившие в период распада Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и так называемого парада суверенитетов в РСФСР (1990–1993). Автономные республики, входящие в указанный период в состав РСФСР, «в уведомительном порядке», на основании свежепринятых республиканских Конституций, объявляли о собственном суверенитете и подвергали опасности распространение сценария распада СССР на уровне РСФСР. Для урегулирования ситуации субъектам, входившим в исследуемые годы в состав РСФСР, было предложено подписать Федеративный договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ (Москва, 31 марта 1992 г.). Но с данной формой решения проблемных вопросов были согласны не все. Наиболее остро ситуация развивалась в отношении Чеченской Республики, власти которой перешли в открытое вооруженное противостояние с Россией. Завершили его лишь в 1997 г., подписав Договор о мире и принципах взаимоотношений между РФ и Чеченской Республикой Ичкерия [7] после многочисленных человеческих потерь с обеих сторон и тем самым закрепив основу для существенных финансово-экономических преференций в отношении Чеченской Республики со стороны РФ.

Во-вторых, обоснованной критике подвергается соблюдение принципа равноправия субъектов РФ. Особенно возмутительным правовым казусом видится отражение такого неравноправия в Конституции РФ [8], в которой содержится большой объем прав для республик в противовес остальным субъектам РФ. Речь идет о правах республик иметь в основе своего регионального законодательства Конституцию (а не Устав), о наличии второго государственного языка и других особенностях. Недопустимым, на наш взгляд, является использование в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ термина «государства» по отношению к республикам, поскольку государство при любом его понимании будет невозможным без наличия государственного суверенитета, а республики им не обладают. Суверенитет принадлежит России в целом, в то время как республики, выступая в качестве субъектов РФ, могут быть названы, например, «государственноподобными образованиями».

Негативным фактором, противоречащим принципу равноправия, остается отраженное в п. 4 ст. 66 Конституции РФ положение о допустимости вхождения автономных округов в состав края или области. Из норм Основного Закона следует, что область или край, в состав которых входит автономный округ, равны в конституционных правах автономному округу, несмотря на то, что последний является их составной частью [8].

Отдельно следует выделить проблему финансово-экономического неравенства регионов и, соответственно, проводимой в их отношении бюджетной политики

со стороны федерального центра. Еще до начала специальной военной операции (СВО) в России существовали «регионы-доноры» и «регионы-реципиенты», а с присоединением новых субъектов в 2022 г. различия в бюджетных возможностях регионов одной страны стали колоссальными. Стоит ли сомневаться в том, что на восстановление разрушенной инфраструктуры и приемлемого социально-экономического статуса граждан на новых территориях будет потрачен не один триллион рублей федерального бюджета, восполняемого другими субъектами федерации?

В-третьих, необходимо обратить внимание на проблему разграничения в действительности предметов ведения и полномочий (а также объем этих полномочий) между субъектами федерации и федерацией в целом. На первый взгляд может показаться, что предмет обсуждения в этой сфере отсутствует, так как он урегулирован вначале и Федеративным договором о предметах ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ (далее — Федеративный договор), а впоследствии — Конституцией РФ. Однако стоит воздержаться от впечатления кажущегося благополучия. Уместно вспомнить о социально-политической ситуации, которая сложилась в России в определенный период. Необходимость подготовки проекта Федеративного договора о разграничении предметов ведения и полномочий произошла в условиях угрозы распада РСФСР по негативному сценарию развала СССР. Центробежные настроения многих автономных республик, возглавляемых национальными элитами, приобрели перспективы в действительности. Для нейтрализации тенденций к конфедерализации отношений между федеральным центром и регионами российское руководство инициировало обсуждение вопроса о необходимости заключения Федеративного договора, который позволил бы пересмотреть отношения Центра и регионов, разделить предметы их ведения. После долгих консультаций к началу 1992 г. проект Федеративного договора подготовлен. 31 марта 1992 г. в Москве состоялось официальное его подписание между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ (Татарстан и Чечня подписаться под договором отказались), а 10 апреля этого же года содержание Федеративного договора одобрено Съездом народных депутатов и включено в текст Конституции РФ [9, с. 149].

Федеративный договор представлял собой три отдельных договора, заключаемых с республиками; с краями, областями, городами федерального значения; с автономной областью и автономными округами. Содержание каждого из этих договоров отличалось, при этом в пользу национальных республик. Например, в договоре с республиканскими органами власти закреплён принцип делегирования полномочий снизу вверх, согласно которому «республики (государства) в составе Российской Федерации обладают всей полнотой государственной (законодательной, исполнительной, судебной) власти на своей территории, кроме тех полномочий, которые переданы (отнесены) в ведение федеральных органов государственной власти Российской Федерации». Договор устанавливал закрытый перечень предметов совместного ведения РФ и республик, а договоры с другими субъектами допускали возможность закрепления и иных предметов совместного ведения [10].

Впоследствии текст этих договоров (в его основной части) продублирован в Конституции РФ, в ст. 71, 72 и 73. Цитировать перечень предметов ведения и полномочий, отнесенных к ведению РФ и к совместному ведению РФ и ее субъектов, в настоящей статье нет необходимости. Эта информация представлена в открытом доступе. Стоит лишь указать, что любые законы, принимаемые регио-

нами, не могут противоречить законам РФ ни в пределах предметов совместного ведения, ни тем более в сфере исключительного ведения РФ. Иными словами, даже предметы совместного ведения находятся под абсолютным контролем федерального центра [11].

Выводы

В этой связи возникает закономерный вопрос. Что остается регионам? Ответ содержится в ст. 73 Конституции РФ: все, что не перечислено. Что именно? В этом и состоит проблема справедливого распределения объема предметов ведения и полномочий, который всегда будет неизмеримо больше у федерального центра, нежели у регионов.

Подводя итог, можно констатировать, что на современном этапе российский федерализм характеризуется устойчивой тенденцией к централизации. Это выражено в укреплении вертикали власти, приведении регионального законодательства в соответствие с федеральным [12]. Вместе с тем остаются нерешенными проблемы несбалансированности отношений между центром и субъектами РФ, правового и фактического неравноправия регионов. Россия, будучи федерацией, не соответствует классическим признакам федерализма и имеет уникальную модель, не подходящую под любую известную классификацию.

Список источников

1. Федерализм: учеб. пособие / под общ. ред. В. И. Коваленко, О. В. Морозова. М.: Изд-во Московского университета, 2016. 492 с.
2. История государства и права зарубежных стран: рабовладельческое и феодальное государство и право: учеб. пособие / под ред. П. Н. Галанзы, В. С. Громакова. М.: Юридическая лит-ра, 1980. 552 с.
3. Родионова А. К. Основные модели российского федерализма // Обозреватель. 2008. № 11. С. 25–31.
4. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 25. М.: Госполитиздат, 1969. С. 255–320.
5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. II Съездом Советов СССР 31 января 1924 г. (с изм. и доп.) // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/185480/?ysclid=m9sgz3ds4l187686804 (дата обращения: 20.02.2025).
6. Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7438> (дата обращения: 20.02.2025).
7. Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия (Москва, 12 мая 1997 г.) // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/10201015/> (дата обращения: 20.02.2025).
8. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.02.2025).
9. Цветкова О. В. Особенности современной российской модели федерализма // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4. С. 147–156.
10. Федеративный договор. Документы. Комментарий / рук-ль редкол. Р. Г. Абдулатипов. М.: Республика, 1994. 125 с.
11. Бородин В. В., Смольяков А. А. Некоторые ограничения прав и свобод человека и гражданина в особых условиях военного положения // Теория государства и права. 2024. № 3. С. 29–38. DOI: 10.25839/MATGIP_2024_3_38_29
12. Бородин В. В., Фурман Ф. П. Российский федерализм: белые пятна // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6. С. 95–102.

References

1. Kovalenko V.I., Morozov O.V., eds. Federalism: A study guide. Moscow: Moscow University Publ.; 2016. 492 p. (In Russ.).
2. Galanza P.N., Gromakov B.S., eds. History of the state and law of foreign countries: Slave and feudal state and law: A study guide. Moscow: Yuridicheskaya Literatura; 1980. 552 p. (In Russ.).
3. Rodionova A.K. The main models of Russian federalism. *Obozrevatel' = Observer*. 2008; (11):25-31. (In Russ.).
4. Lenin V.I. On the right of nations to self-determination. In: Complete works. In 55 vols. Vol. 25. Moscow: Gospolitizdat; 1969:255-320. (In Russ.).
5. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Approved by the II Congress of Soviets of the USSR on January 31, 1924 (with amendments and additions.). Garant.ru. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/185480/?ysclid=m9sgz3ds4l187686804 (accessed on 20.02.2025). (In Russ.).
6. Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia. WIPO. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7438> (accessed on 20.02.2025).
7. Treaty on peace and principles of relations between the Russian Federation and the Chechen Republic of Ichkeria (Moscow, May 12, 1997). Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/10201015/> (accessed on 20.02.2025). (In Russ.).
8. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on 20.02.2025). (In Russ.).
9. Tsvetkova O.V. The features of the modern Russian model of federalism. *Grazhdanin. Vybory. Vlast' = Citizen. Elections. Authority*. 2019;(4):147-156. (In Russ.).
10. Abdulatipov R.G., ed. Federal Treaty. Documents. Commentary. Moscow: Respublika; 1994. 125 p. (In Russ.).
11. Borodin V.V., Smolyakov A.A. Some restrictions of the rights and freedoms of man and citizen in special conditions of martial law. *Teoriya gosudarstva i prava = Russian Journal of Theory of State and Law*. 2024;(3):29-38. (In Russ.). DOI: 10.25839/MATGIP_2024_3_38_29
12. Borodin V.V., Furman F.P. Russian federalism: White spots. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*. 2020;(6):95-102. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Бородин — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, заслуженный юрист Российской Федерации; 198035, Санкт-Петербург, Двинская ул., д. 5/7;

А. А. Смольяков — кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры общеправовых дисциплин, заслуженный юрист Российской Федерации; 188662, Ленинградская область, Всеволожский муниципальный район, Муриноское городское поселение, производственная зона «Мурино», Лесная ул., д. 18а.

Information about the authors

V. V. Borodin — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Honored Lawyer of the Russian Federation; 5/7 Dvinskaya st., St. Petersburg 198035, Russia;

A. A. Smolyakov — PhD in Law, Professor, Professor at the Department of General Legal Disciplines, Honored Lawyer of the Russian Federation; 18a Lesnaya st., production zone "Murino", Murinskoye urban settlement, Vsevolozhsk municipal district, Leningrad Oblast, 188662, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication 20.06.2025.